

Стоявший рядом Гу Чанъань заметил, как большой палец Цянь Фэя дважды погладил тыльную сторону ладони Лю Цуйфан.

Хотя у Гу Чанъаня не было опыта в любовных делах, он понимал значение этого маленького жеста.

Лю Цуйфан убрала выбившуюся прядь волос за ухо:

— Ну хорошо.

Уголки губ Цянь Фэя расплзлись в улыбке. Он смотрел на Лю Цуйфан откровенно похотливым взглядом, словно забыв, что его друг детства умер сегодня утром.

Гу Чанъань незаметно скользнул взглядом по ним обоим и, не меняя выражения лица, ушёл.

Чжан Лун мёртв. Дальше будет много хлопот.

Пребывая в мрачном настроении, Гу Чанъань постучал в дверь соседнего дома. Никто не ответил. Он дождался темноты, а затем тайком перелез через стену двора.

В тот миг, когда его ноги коснулись земли, Гу Чанъань почувствовал, как на него налетел порыв ледяного ветра — будто кто-то прижался к его спине и дунул в шею.

Гу Чанъань потёр обнажённый участок шеи над воротником. Едва он сделал два шага вперёд, как в кармане штанов завибрировал телефон.

Это был звонок от Лу Чэна.

Гу Чанъань сбросил вызов. Телефон завибрировал снова — на этот раз пришло сообщение.

Лу Чэн: Чанъань, я заблудился.

Гу Чанъань помрачнел. Заблудился — мне-то какое дело?

В следующее мгновение пришло ещё одно сообщение от Лу Чэна, где тот указывал своё местоположение и добавлял фразу:

«Прошлой ночью в больнице, кроме нас с тобой, было ещё десятка два человек. Очень шумно и тесно».

Глаза Гу Чанъаня резко дёрнулись. Он развернулся и пошёл обратно тем же путём — искать Лу Чэна.

После того как Гу Чанъань ушёл, в некогда мёртво тихом дворе раздался кашель. С каждым разом всё сильнее и сильнее.

— Кхе... кхе-кхе... кхе-кхе-кхе-кхе...

Когда Гу Чанъань нашёл Лу Чэна, тот сидел на земле, прислонившись спиной к дереву толщиной в два обхвата, и жевал жевательные конфеты.

Лу Чэн доел торчащую изо рта половину конфеты и улыбнулся приближающемуся черноволосому юноше:

— Пришёл.

Гу Чанъань занёс ногу, чтобы пнуть его.

Лу Чэн протянул руку, перехватил его щиколотку и несколько раз провёл большим пальцем взад-вперёд по ней.

Гу Чанъань выдернул ногу из ладони мужчины, передёрнул плечами, сбрасывая мурашки, и, побагровев, процедил:

— Ты, мать твою, весь из себя такой гейский, и ещё говоришь, что не гей?

Лу Чэн ответил совершенно серьёзно:

— Правда нет.

— Валяй, притворяйся дальше. Посмотрим, сколько ты ещё сможешь притворяться. — Гу Чанъань плюхнулся рядом с ним на землю и, не отвлекаясь на пустяки, спросил напрямик: — Что там за ситуация в палате?

Лу Чэн ответил невпопад:

— Чанъань, у тебя линзы?

Гу Чанъань по дороге снял только парик и умылся, очки не надел. Он достал телефон, чтобы посмотреть время, и раздражённо бросил:

— Может, без ерунды?

Внезапно Лу Чэн опёрся одной рукой о землю, подался корпусом вперёд и приблизился к юноше, прищутив свои глубокие тёмные глаза.

Чужое дыхание вторглось в его личное пространство. Гу Чанъань откинул назад свою белую и длинную шею, увеличивая расстояние между ними, упёрся ногой в живот мужчины, готовясь в любой момент ударить, и предупредил:

— Отойди.

Лу Чэн оставался невозмутим. Его взгляд всё ещё был прикован к слишком бледному и слишком изящному лицу юноши:

— Ты, наверное, очень похож на свою мать.

Слово «мать» застряло в ушах Гу Чанъаня, не в силах обрести форму: в его памяти не было соответствующего образа. Он помрачнел лицом, но слова замерли от следующей реплики мужчины.

— Потому что на самом деле ты выглядишь довольно хрупким. Особенно когда снимаешь очки.

Лу Чэн вытянул указательный палец, указывая на выступающий кадык юноши, и полушутливо усмехнулся:

— Если бы не он, я бы и правда решил, что ты девушка.

На висках Гу Чанъаня вздулись вены. Он сжал пальцы, подхватил с земли ветку и тут же бросил её обратно в траву. Если этот человек не уберётся, он рано или поздно не сдержится и покажет своё истинное лицо.

Внезапно ледяной ветер усилился. В роще раздался вой — будто кто-то плакал, кто-то кричал.

Сухие листья вместе с сорняками взметнулись в воздух и разлетелись во все стороны. Гу Чанъань натянул капюшон куртки, затянул шнурки спереди и завязал их узлом. Втянув голову в плечи, он сунул руки в карманы и, не оборачиваясь, зашагал по тропе, которой пришёл, в сторону выхода.

Лу Чэн всё ещё сидел под деревом. Он приоткрыл веки и окликнул:

— Эй.

Гу Чанъань не остановился.

Лу Чэн заговорил неторопливо:

— Чанъань, у тебя на спине старушка. Куда собрался?

От этих слов кровь Гу Чанъаня мгновенно застыла. Он обернулся, нахмурился и сжал губы, лицо омрачилось. Старушка? Серьёзно?

Лу Чэн достал из пакета ещё одну конфету и съел её:

— Ты нёс её всю дорогу. Разве не чувствовал тяжести?

Гу Чанъань поначалу ничего не ощущал, но после этих слов ему показалось, что затылок и правда холодит. Даже после того, как он накинул капюшон, холод всё равно чувствовался.

Лу Чэн усмехнулся:

— Обманул.

Гу Чанъань: «...»

Лу Чэн медленно поднялся. Шагая длинными ногами, он подошёл к юноше и незаметно скользнул взглядом за его спину — взгляд был острым, как ледяной нож.

У Гу Чанъаня зашевелились волосы на голове. Он выругался:

— Чёрт, Лу Чэн, ты...

Лу Чэн протянул ему жевательную конфету.

Гу Чанъань машинально взял её и машинально отправил в рот.

Всё-таки его легко успокоить — дай только поесть. Лу Чэн шевельнул бровью и спросил с улыбкой:

— Вкусно?

Гу Чанъань не ответил. Он проглотил конфету и, посерьёзнев, спросил:

— У меня на спине и правда была старушка? И то сообщение, что ты мне отправил, — тоже правда? Ты видишь призраков?

Лу Чэн посмотрел за спину Гу Чанъяня.

Гу Чанъянь не обернулся. Даже если там и был призрак, он всё равно бы его не увидел. Способность рода Гу — слышать ложь, сокрытую в рыбьем чреве, и извлекать её. Они не могут справиться с нечистью. Так было из поколения в поколение, и до него тоже.

Холод нахлынул со спины и окутал Гу Чанъяня целиком. Он вздрогнул:

— Сначала выберемся из этого леса, а потом поговорим.

Лу Чэн лениво плёлся за юношей:

— В детстве я...

Он запнулся, будто подбирая слова.

Гу Чанъянь закончил за него:

— Попал в аварию, а после неё обнаружил, что у тебя Инь-ян глаза?

Лу Чэн усмехнулся:

— В фильмах всегда так.

Голос мужчины звучал со смехом, и жуткое ощущение у Гу Чанъяня почти исчезло, шаги тоже замедлились:

— А ты нет?

— А я нет, — сказал Лу Чэн. — Я с рождения такой.

Гу Чанъянь повернул голову.

Лу Чэн тоже посмотрел на него:

— Не веришь?

Гу Чанъянь промолчал. Он уставился в глаза мужчины и, прежде чем его настигло странное головокружение, отвёл взгляд.

Неизвестно почему, но на этот раз собеседник не лгал. Всё, что он сказал, было правдой.

Гу Чанъянь нахмурился. Странно: у него самого Янская энергия слабая, а у этого человека она даже сильнее, чем у У Дабина, и при этом он видит то, чего не видит он сам.

Похоже, у них всё наоборот.

Гу Чанъянь всегда считал, что если бы у него был напарник, способный видеть Инь и Ян, это было бы хорошо и для него, и для семьи Гу.

Раньше таких не было. Теперь появился, но использовать его наобум нельзя. Не разобравшись до конца в этом человеке, брать его в союзники — значит самому надеть себе петлю на шею и

отдать свою жизнь.

Гу Чанъаню нужен был повод.

Вернувшись, Гу Чанъань выпил стакан горячей воды и спросил у мужчины, сидевшего на корточках у порога:

— Зачем ты пошёл в тот лес?

Лу Чэн счищал совком грязь с подошвы:

— Полюбоваться видами.

Гу Чанъань закатил глаза. Он сказал несколько правдивых слов, а теперь снова врёт.

Впрочем, этот человек действительно уже раскрыл перед ним одну свою карту.

— Ты видишь эту нечисть. Она не доставляет тебе хлопот в жизни?

— Хлопот? — Лу Чэн стряхнул землю с совка. — Просто людей слишком много: и мёртвые, и живые, и полуживые. Все лица сливаются в одно, выглядят одинаково.

Гу Чанъань онемел. Похоже, у этого человека прозоп агнозия даже сильнее, чем у других. Он спросил:

— У меня дома есть?

Лу Чэн сказал:

— Пока не обнаружил.

Гу Чанъань вздохнул с облегчением и спросил снова:

— Это ты вчера выгнал всех тех десятерых из палаты?

Тот крик «Пошли вон!» не был галлюцинацией.

Способности немалые.

Лу Чэн сказал:

— В больнице слишком много Иньской энергии. В твоей палате ещё мало. В коридорах полно.

— Ладно. Закрыли тему.

Гу Чанъань вовремя прервал его. Глядя, как мужчина неловко чистит подошву, причём движения такие неумелые, он понял, что до того, как выйти в люди, этот человек был барчуком, который и пальцем не пошевелил.

— Оставь обувь. Завтра разберёмся.

Лу Чэн поднял глаза:

— Завтра ты мне поможешь?

Гу Чанъань бросил на него взгляд, полный «мечтай, давай»:

— Завтра солнце высушит грязь на подошве, и её можно будет легко отбить.

Лу Чэн изобразил удивление: «И так можно?»

Гу Чанъань брезгливо цокнул языком:

— Тупица. Это же элементарно.

Лу Чэн: «...»

Гу Чанъань поставил стакан с водой и окликнул мужчину по имени:

— Лу Чэн, завтра пойдёшь со мной в одно место.

Он подумал: секреты семьи Гу можно не раскрывать, но, основываясь на этом, всё равно можно использовать способности этого человека. Вокруг дома Чжан Луна, если есть призраки, они, возможно, смогут предоставить ценную информацию.

Лу Чэн поставил ботинки у порога, отряхнул пыль с брюк, выпрямился и сказал:

— Завтра мне нужно купить бумажник. Старый потерял.

У Гу Чанъаня дёрнулось веко. Тот бумажник он забрал и положил в чёрную шкатулку на тумбочке, уже почти забыл о нём.

— Сначала пойдём со мной в одно место. Потом я схожу с тобой за бумажником.

Не дожидаясь, пока мужчина откроет рот, Гу Чанъань добавил:

— Я знаю эти места лучше тебя. Знаю, где вещи качественные и недорогие.

Лу Чэн сказал:

— У меня нет недостатка в деньгах.

Иными словами, искать дешёвые места не нужно, можно просто покупать-покупать-покупать.

У Гу Чанъаня дёрнулся уголок рта. Бедность ограничивала его воображение, он не мог представить, сколько же денег у этого человека в семье.

Тем не менее, они договорились.

Лу Чэн согласился завтра пойти с Гу Чанъанем в одно место, а после они отправятся вместе за покупками, за бумажником.

Ближе к десяти Гу Чанъань собрался спать. Возраст давал о себе знать, тело уже не то, если не выспаться, организму тяжело.

Лу Чэн постучал и вошёл, бросив грелку в виде кошачьей лапки на одеяло Гу Чанъаня.

Гу Чанъань схватил её и засунул под одеяло. Лучше, чем ничего:

— Ворота закрыл?

— Закрыл. — Лу Чэн, казалось, не проявлял ни малейшего интереса ко всему в этой комнате. Он не оглядывался по сторонам, а смотрел только на юношу у изголовья кровати. — Когда вернётся У Дабин?

Гу Чанъань сказал: до конца года.

— Лу Чэн, почему ты не сказал мне об этом в больнице? Почему не сказал раньше, а решил поделиться именно сегодня вечером? — И ещё специально позвонил и отправил сообщение именно в это время, будто хотел, чтобы я ушёл из того двора.

Слишком уж совпало. Неужели этот тип управляет всем дистанционно?

Лу Чэн поднял руку, запустил пятерню в волосы надо лбом и пригладил их. Он усмехнулся:

— В лесу было темно и холодно. Я боялся, что ты не придёшь за мной, вот и сказал так.

Если бы всё было так просто.

Гу Чанъаню было лень подыгрывать. Ладно, вероятность того, что изо рта этого человека вылетит правда, ещё ниже, чем выиграть мягкую игрушку в автомате с когтем. Придётся копать самому.

Лу Чэн дошёл до двери и вернулся. Он встал у кровати, глядя на юношу сверху вниз, и задал довольно приземлённый вопрос:

— Чанъань, мы знакомы уже почти месяц. Как ты меня оцениваешь?

Гу Чанъань скривил губы:

— Сядь. Не стой надо мной, когда говоришь. С этого ракурса ты похож на моего рабовладельца.

Лу Чэн равнодушно покосился на юношу. Рабы должны говорить стоя на коленях, а не сидеть в постели, огрызаться через слово и строить рожи. Он придвинул стул и сел.

В голове у Гу Чанъаня с бешеной скоростью проносилась куча слов. Он наобум выхватил несколько:

— Отзывчивый, справедливый, щедрый, великодушный, терпимый...

Что ещё? Вроде достаточно? Для приличия сойдёт.

Лу Чэн спокойно смотрел на Гу Чанъаня. Очевидно, этого было мало.

Гу Чанъаню стало немного неловко под этим взглядом. Слова были, но они играли с ним в прятки. Он поправил очки на переносице и, помучившись, выдавил:

— Великодушный.

Лу Чэн приподнял подбородок:

— Это уже было.

Гу Чанъань сказал:

— Справедливый.

Лу Чэн вздохнул и произнёс тоном «Дитя, тебе правда нужно больше читать»:

— Тоже было.

«...»

Гу Чанъань — человек холодный и бесчувственный. Ради разоблачения одной лжи он надевал маску за маской, шёл на всё ради цели, не гнушаясь никакими средствами, врал без остановки, был лицемерен и коварен, а в глубине души на самом деле жил равнодушно.

Хвалить кого-то ему приходилось и раньше, но чтобы так тяжело — впервые.

Возможно, Гу Чанъань понимал, что сейчас он не разоблачает какую-то ложь, его внутренняя струна не была натянута, она ослабла, поэтому он не слишком вживался в эту роль, и часть его истинного «я» уже проявилась.

— В общем, ты неплохой человек. Достоин дружбы.

Закончив резюме, Гу Чанъань перевёл стрелки на мужчину:

— А что ты думаешь обо мне?

Микрофон — тебе. Давай.

Лу Чэн большим пальцем правой руки надавил на точку хэгу на левой, рассеянно поглаживая:

— Ты очень интересный человек.

Без преувеличения, Гу Чанъаня с детства все хвалили: соседи, прохожие. Обычно хвалили его лицо, характер и, конечно, манеры. Никто не говорил, что он интересный. Это было ново. Он принял позу слушателя:

— М? И что ещё?

Лу Чэн пожал плечами:

— Остального я пока не обнаружил. Нужно время.

Взгляд Гу Чанъаня стал свирепым. Чёрт, я тебя так старательно хвалил, сам себя растрогал, а ты хочешь отделаться от меня парой слов?

Лу Чэн, словно не чувствуя исходящей от Гу Чанъаня агрессии, посмотрел в сторону окна:

— Пошёл мелкий снег.

Гу Чанъаня рефлекторно передёрнуло. Он поспешно забился под одеяло, чувствуя, что мозг замерзает. Он сказал мужчине в комнате:

— Выходи. Я буду спать. Выключи свет.

Раздался щелчок, и комната погрузилась в темноту.

Лу Чэн не пошёл в свою комнату. Он сел на стул в гостиной лицом к распахнутой двери и устремил взгляд во двор за порогом. Внутри и снаружи царила мёртвая тишина.

Внезапно из левой комнаты донёсся звук чихания, затем ещё один — они нарушили глубокую ночь.

Лу Чэн вернулся к реальности. Он поднялся, закрыл дверь гостиной, нажал на выключатель и в темноте двигался совершенно свободно.

Гу Чанъаню приснился сон. Во сне была очень просторная площадь. Множество людей стояли на коленях, низко опустив головы, вытянув руки прямо над головой, касаясь лбами земли.

Это был древний и торжественный ритуал.

Внезапно прилетела огромная красная птица — фламинго. За ней следовала целая стая. Они кружили в небе, невероятно яркие и чарующие.

Гу Чанъань во сне смотрел на них снизу вверх. Непонятно почему, хотя фламинго просто летали, у него было странное ощущение, будто на него смотрят в упор десятки золотисто-жёлтых глаз.

Гу Чанъань проснулся от холода. Оказалось, одеяло свалилось на пол. Он подхватил его, натянул на себя и, обхватив ледяные руки, задрожал.

Всё, что было во сне, забылось. Гу Чанъань помнил только то странное ощущение. Он попытался закрыть глаза и вспомнить, но это не помогло — он действительно ничего не мог вспомнить.

Ладно, всего лишь сон.

У людей иногда бывают моменты мизантропии. У Гу Чанъаня тоже. Каждую зиму это чувство, словно молодые бамбуковые ростки после дождя, пробивалось наружу, росло не по дням, а по часам.

Гу Чанъань не волновался о великом бедствии. Придёт — и пусть. Он заменил старика, охраняя Старый особняк семьи Гу, присматривая за тем, что запечатано под землёй. Это было довольно скучно.

Если однажды Гу Чанъань больше не сможет работать, то, что находится под землёй, вырвется на свет, порядок рухнет окончательно, и тогда неизвестно, в какое убожество превратится весь мир.

Гу Чанъань дотянулся до очков на тумбочке и надел их. Странно: Гу — единственный наследник в семье, но старик никогда не заговаривал с ним о продолжении рода.

Звук за дверью прервал размышления Гу Чанъаня. Он, не вылезая из-под одеяла, натянул свитер:

— Входи.

Лу Чэн толкнул дверь и вошёл. Он был небрит, не чистил зубы, не причёсывался, не умывался. Голос звучал хрипловато со сна:

— Чанъань, кран замёрз. Вода не идёт.

Гу Чанъань продолжал натягивать кальсоны под одеялом:

— Обмотай кран горячим полотенцем, потом полей тёплой водой. Полей по трубе, через некоторое время оттаёт.

Лу Чэн озадаченно спросил:

— Тёплая вода оттаивает? Горячей разве не проще?

Штанина кальсон наделась задом наперёд. Гу Чанъань стянул её, поправил и надел как следует, слегка запыхавшись:

— Нельзя. Горячей нельзя. Если залить, может лопнуть.

Лу Чэн промолчал, похоже, не поняв принципа.

Гу Чанъань поднял веки и взглянул на мужчину, усмехнувшись:

— Братец, есть такое понятие — тепловое расширение и сжатие.

Лу Чэн, почернев лицом, молча вышел.

Гу Чанъань вытаращил глаза. Я же тебе ничего не сказал, а ты ещё и обижаешься? Пользуешься таким дорогим телефоном, а сам не можешь поискать в интернете? Никаких бытовых знаний, а внешность — благородная, элегантная, с лица воду пить.

Неужели он жил в месте, отрезанном от мира?

Как только эта мысль пришла, она тут же укрепилась. Гу Чанъань цокнул. Вполне возможно.

Гу Чанъань долго одевался, прежде чем выйти. Снег перестал, на земле остались лишь следы. Он увидел мужчину, стоящего спиной к нему под старой акацией во дворе, потянулся и лениво подошёл.

— Теперь я верю, что денег твоей семьи хватит на несколько поколений.

Лу Чэн не обратил внимания.

Гу Чанъань вдохнул холодный воздух, оскалился в безобидной улыбке:

— Я не хотел тебя обидеть тем, что сказал в комнате. Ты тоже не принимай близко к сердцу. Хотя мы и не родственники, но судьба свела, друзья всё-таки. Я просто немного удивлён: ты уже такой взрослый, не ребёнок.

Лицевые мышцы Лу Чэна дёрнулись. Гу Чанъань, если ты будешь молчать, тебя за него не примут.

— Мир — опасное место. Хорошо, что ты встретил меня. Встретил бы кого другого — могли бы обмануть и денег лишить, и самого.

Гу Чанъань похлопал мужчину по плечу и вздохнул:

— У твоей семьи столько денег, почему не дали тебе пару телохранителей?

Лу Чэн стряхнул руку с плеча и отодвинулся в сторону:

— Сначала иди чистить зубы.

Гу Чанъань фыркнул:

— А сам ты что, не чистил?

Лу Чэн покосился на него:

— Я перед сном никогда не ем.

Намёк был ясен: я не ем перед сном, так что утром во рту не так воняет, как у тебя.

Гу Чанъань, который всегда любил перекусить перед сном, а то и среди ночи вставал, чтобы что-нибудь пожевать: «...»

Утром Гу Чанъань протёр пыль с компьютера и нажал кнопку включения. Системник загудел, как старая, едва живая корова, пыхтя и отдуваясь.

Боясь, что компьютер взорвётся, Лу Чэн стоял поодаль и с сомнением спросил:

— Он ещё работает?

<http://bllate.org/book/19143/1880134>